ИЛЬЯ ГРУЗДЕВ

К 144/12

ГОРЬКИЙ
и его время

ТОМ ПЕРВЫЙ

Издание второе

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1948

1. ПРЕДКИ ГОРЬКОГО

(К стр. 8)

Дед Горького со стороны матери, Василий Васильевич Каширин, по данным автобиографической заметки Горького,[1] родился в 1797 году, по материалам же повести «Детство» — в 1800-м. Последняя дата подкреплялась позднейшей пометкой:

«Дед говорил, что он видел пленных французов в Балахне, когда ему было 12 лет».

По данным «Детства», Каширин бурлачил и водил расшиву еще на ярмарку в Макарьев, то-есть до 1817 года, — в этом году ярмарка была переведена в Нижний.

Найденная недавно метрическая запись 1807 года меняет дело, устанавливая новую дату.

В книге Покровской церкви города Балахны записано:

«У солдата Василия Данилова Каширина родился сын Василий, крещен 17 генваря».

Кроме того, в книгах Спасо-Преображенской церкви города Балахны найдена следующая запись 1831 года:

«Осьмонадцатого числа, Балахнинский мещанин Василий Васильев Каширин вступил в брак с девицей

---

[1] Эта первая автобиография Горького написана им в 1897 году по просьбе известного историка литературы С. Венгерова. Опубликована С. Венгеровым в 1914 году, в его издании «Русская литература XX века», том I, стр. 190—192.

Акилиной Ивановной, дочерью нижегородского мещанина Ивана Яковлевича Муратова».

Нужно думать, что уже в начале 30-х годов Каширин приобрел в Балахне хорошую «оседлость» и был в числе зажиточных граждан. В книге «Ревизская сказка о состоянии купцов и мещан города Балахны за 1834 год» сказано, что там проживали: «Василий Васильевич Каширин 27 лет, Василия Васильева сын Михайла — новорожденный в 1833 г., Василья Васильева жена — Акулина 21 год, его же дочь Екатерина 2 месяцев.» [1]

Из этого документа мы узнаем, что бабушка Горького родилась в 1813 году и была на шесть лет моложе деда.

Время переселения Кашириных в Нижний неизвестно. Можно думать, что еще в Балахне он был красильщиком, там и заложил основы будущего благополучия; особенно же преуспел к концу 40-х годов.

В «Детстве» дед, упоминая о «48-м» годе и о «венгерском походе», говорит:

«С того года божья благостыня, как вода на плот, в дом наш потекла».

Это показание автобиографической повести подтверждается данными «Обывательской книги Нижегородского цехового общества с 1855 года по 1857 год». Это уже не губернский, а городской документ и сообщает о В. В. Каширине, как о жителе города Нижнего.

В разделе — «в каких городских или иных службах был или есть» отмечено:

«Служил старшиной по красильному цеху в 1849 и 1855 годах».

«Купчая» от 14 января 1852 года на приобретение Кашириным деревянного дома тоже подтверждает зажиточную крепость Каширина. А в «Списке цеховых служащих по выборам городского общества» в графе: «в каких городских и иных службах был и ныне состоит» о Каширине сказано:

[1] Документ найден в фонде Нижегородской Казенной палаты научным сотрудником Я. М. Каган.

«По выбору городского общества служил: в 1855, 1856 и 1857 годах старшиной красильного цеха и в 1861, 1862 и 1863 годах гласным в Думе».

Научный работник Я. М. Каган, нашедший записи в «Обывательской книге» и в «Списке цеховых», справедливо считает очень интересным факт службы Каширина «по выбору городского общества», помимо старшиной красильного цеха, еще и гласным в Думе.

В подготовленной к печати работе своей «Род Кашириных» он сообщает:

«Каширин был гласным в дореформенной городской, так называемой шестигласной думе. Эта дума состояла всего навсего из 6 гласных, одним из них был Каширин.

Каждый из гласных был единственным представителем одного из сословий города: мещан, цеховых, купцов и т. п. Таким образом Каширин в Нижегородской городской шестигласной Думе был единственным представителем всего сословия цеховых г. Нижнего».

Годы 1855—1865 и были видимо для Каширина временем наибольшего благополучия и почета. Подъем этот завершился постройкой в 1865 году большого деревянного на каменном фундаменте дома с флигелем на Ковалихинской улице.

О том, когда умер В. В. Каширин, до сих пор были неокончательные сведения. По данным автобиографической заметки 1897 года, смерть его следовало отнести к 1889 году, и сам Алексей Максимович в беседе вспоминал о встречах с дедом уже по своем возвращении в Нижний. Найденная запись в метрических книгах Владимирской церкви в Кунавине устанавливает точную дату. Она удостоверяет, что 1 мая 1887 года умер, а 8 мая погребен на приходском кладбище нижегородский цеховой Василий Васильев Каширин, 80 лет, умерший «от дряхлости». [1]

[1] Розысками метрических записей и других ценнейших документов мы обязаны создателю бытового музея детства А. М. Горького и неутомимому исследователю нижегородской старины и горьковского прошлого — Федору Павловичу Хитровскому.

Бабушка Горького, Акулина Ивановна Каширина, умерла незадолго до смерти мужа, так же как и он — нищей.

В книге времен о ней записано:

«Февраля 16-го 1887 года умерла, а 18 февраля 1887 г. погребена на городском кладбище нижегородская мещанская вдова Акулина Ивановна Каширина, 70 лет, от старости. Священник Воскресенской церкви на Яриле А. Кармазинский.»

Если правильно похоронная запись обозначила возраст бабушки Горького, то она вышла замуж на 14-м году, что бывало в крестьянских семьях тех времен, няня из «Евгения Онегина» тоже вышла замуж 13 лет.

Обращает на себя внимание обозначение А. И. Кашириной в похоронной записи в д о в о й. Где-то в Кунавинской слободе жив был еще ее муж, но осведомиться о «семейном» состоянии бездомной нищенки причту «городской» церкви, видимо, не пришло в голову, и состояние было обозначено «по вероятности».

Впрочем, и причина смерти «от старости» тоже могла быть обозначена по видимой вероятности. В «Моих университетах» Горький так вспоминает обстоятельства ее смерти, — он в то время служил в Казани подручным пекаря в булочной Деренкова:

«Умерла бабушка. Я узнал о смерти ее через семь недель после похорон, из письма, присланного двоюродным братом моим. В кратком письме — без запятых — было сказано, что бабушка, собирая милостыню на паперти церкви и упав, — сломала себе ногу. На восьмой день «прикинулся Антонов огонь». Позднее я узнал, что оба брата и сестра с детьми — здоровые, молодые люди — сидели на шее старухи, питаясь милостыней, собранной ею. У них не хватило разума позвать доктора.

В письме было сказано:

«Схоронили ее на Петропавловском где все наши провожали мы и нищие они ее любили и плакали. Дедушка тоже плакал нас прогнал а сам остался на могиле мы смотрели из кустов как он плакал он тоже скоро помрет».[1]

О родителях бабушки Алексей Максимович так сообщил в одном из писем:

«Бабушка Акилина никогда не рассказывала о своем отце; мое впечатление: она была сиротою. Возможно — внебрачной, на что указывает «бобыльство» ее матери и раннее нищенство самой бабушки... О прадеде Каширина знаю только, по рассказу деда, что его убили разбойники шайки Максима Башлыка».

Больше сведений сохранилось о деде Горького со стороны отца — Савватие Пешкове. Он был солдатом времени Николая I, дослужился до офицера, потом разжалован был в солдаты и сослан в Сибирь за жестокое обращение с подчиненными. О бабке своей со стороны отца А. М. сообщил:

«О матери отца моего я ничего не знаю; наверное ничего не знала о ней и бабушка Акилина, но из того, что она часто говорила мне: «отец твой тоже рос сиротою», можно заключить, что бабушка Пешкова умерла рано».

Савватий Пешков был человеком столь крутого характера, что сын его — Максим Пешков — еще в детстве не раз убегал из дому. Однажды отец искал его по лесу с собаками, как зайца, другой раз, найдя его, стал так истязать, что соседи отняли мальчика. Кончилось тем, что Максима Пешкова взял к себе его «крестный отец», пермский столяр, для обучения своему ремеслу, приписав его в цеховые города Перми. Но, видимо, не радостно жилось ему и там. Он убежал и от «крестного», кормился тем, что водил слепых по ярмаркам, а придя в Нижний, стал работать столяром на пароходах купца Колчина. Работа его нравилась: двадцати лет он уже слыл хорошим мастером своего дела — краснодеревцем, обойщиком и драпировщиком.

Данные автобиографической заметки 1897 года и здесь несколько отличаются от материалов «Детства».

---

[1] Собр. соч., т. XVIII, стр. 47.

По первому источнику, Максим Пешков с десяти лет до семнадцати пять раз уходил от отца. Последний раз ему удалось убежать навсегда, он пешком пришел из Тобольска в Нижний. По второму источнику, Савватий умер, когда сыну его минуло девять лет, и после смерти отца он был взят крестным в Пермь.

То обстоятельство, что метрическая запись о рождении Горького называет Максима Савватиевича *пермским* мещанином, говорит за большую точность «Детства». Любопытно, что и мать Горького, Варвара Васильевна Пешкова, по смерти мужа числилась пермской мещанской вдовой, хотя никогда не жила в Перми, да и сам Алексей Максимович в списках Нижегородской ремесленной управы шел за пермяка. Этого же твердого понятия держались и в семье: бабушка ругала Горького так: «Ах ты, пермяк, солены уши!»

Из бумаги Нижегородской казенной палаты от 27 февраля 1873 года, постановившей по рапорту Ремесленной управы причислить мещанскую вдову Пешкову и ее сына в нижегородское цеховое общество для «народного счета», видно, что в то время матери Горького было 27 лет и 3 месяца, следовательно, родилась она в ноябре 1845 года. [1]

Этим данным несколько разноречит метрическая запись книги Владимирской церкви в Кунавине:

«Жена Личного Дворянина, Варвара Васильевна Максимова, умерла 5 августа 1879 года, погребена 7 августа, 37 лет, от чахотки».

Но, как и в других случаях, метрическая запись о рождении устанавливает окончательную дату: Варвара Васильевна родилась 26 ноября 1844 года в Нижнем-Новгороде, в приходе Одигитриевской церкви. Она умерла еще совсем молодой женщиной, на 35-м году жизни.

О том, когда родился и каких лет умер отец Горького, документальных сведений нет.

[1] Документы Нижегородской ремесленной управы опубликованы А. Белозеровым в журнале «Новый мир», 1926 г., № 3, стр. 115, 116.

2. МЕТРИЧЕСКАЯ ЗАПИСЬ

(К стр. 8)

О рождении Алексея Максимовича Пешкова в метрических книгах церкви Варвары Великомученицы, что стояла на Дворянской улице Нижнего-Новгорода, была занесена такая запись:

«Рожден 1868 г. Марта 16, а крещен 22 чисел, Алексей; родители его: Пермской губернии мещанин Максим Савватиевич Пешков и законная его жена Варвара Васильевна, оба православные. Таинство святого крещения совершал священник Александр Раев с диаконом Дмитрием Ремезовым, дьячком Феодором Селицким и пономарем Михаилом Вознесенским. Восприемниками при крещении были: Нижегородской губернии г. Арзамаса сын кандидата Михаил Григорьев Иванов и нижегородская мещанка Наталья Ивановна Бобкова».

Эта запись, найденная и опубликованная в 1908 году В. Золотницким, точно установила год и день рождения Горького. [1]

Сам А. М. колебался при обозначении года своего рождения, называя то 1868, то 1869 и считая более правильным второе. Днем же своего рождения считал 14 марта. Эта же дата значится и в ряде официальных бумаг.

Н. И. Бобкова, в замужестве Душина, — нижегородская купчиха. Сын кандидата М. Г. Иванов — отставной капитан волжского пароходства, живший в Нижнем отшельником, на покое.

Ни с «крестным», ни с «крестной» у «крестника» в дальнейшем никаких связей не было. К первому, впрочем, — как рассказывал мне Алексей Максимович, — он заглядывал в окно с улицы, удивляясь большому количеству книг, а от второй получил раз на пасху гривенник.

[1] «О Максиме Горьком» (К 40-летию со дня его рождения) «Нижегородский Листок», 1908 г., № 65.

По новому стилю 16 марта приходилось в XIX веке на 28 марта.

3. АСТРАХАНСКАЯ АРКА

(К стр. 9)

«...Скоро и вышло ему ехать в Астрахань; ждали туда летом царя, а отцу твоему было поручено триумфальные ворота строить. С первым пароходом поплыли они...»

Так рассказывала Акулина Ивановна Каширина внуку.[1] В очерках «Молодой Горький», печатавшихся в 1927 году, я, учитывая возможную художественную условность повести «Детство», писал:

«Рассказ, вероятно, легендарный, характерен как отзвук известности Максима Савватиевича по части его мастерства».

Когда эти строки прочел Алексей Максимович, он сообщил мне в письме:

«Я думаю, что отец мой должен был принимать то или иное участие в построении триумфальной арки, ибо строилась она. конечно, пароходчиками».

Биографы Александра II не указывали на посещение им Астрахани в каком-либо году, и только розыски в местных «Ведомостях» и «Листке» дали возможность установить проезд Александра II через Астрахань в 1871 году и факт действительного существования в честь этого события триумфальной арки у пароходной пристани, — документальность «Детства» еще раз и интересным образом была подтверждена.

Но наличие арки оказалось существенным и в том смысле, что в свою очередь помогло установить время переезда Пешковых в Астрахань, до этого были основания относить его на два-три года раньше.

Переезд состоялся, следовательно, не позже этого года. Косвенным указанием на то, что он состоялся не раньше этого года, служит список присяжных заседателей Нижегородского уезда на 1871 год, в котором еще значится цеховой Максим Савватиевич Пешков.[2]

---

[1] Собр. соч., том XVI, стр. 140.
[2] «Нижегородские Губернские Ведомости», 1870 г., стр. 533.

Таким образом, астраханская жизнь Пешковых сузилась до полутора лет. Начало ее устанавливается разысканиями об арке, а сохранившееся прошение вдовы Варвары Васильевны Пешковой в Нижегородскую ремесленную управу от 27 октября 1872 года точно определяет ее конец.

Первые воспоминания писателя, закрепленные началом повести «Детство», мы должны отнести, следовательно, к сентябрю-октябрю этого года, когда он был в возрасте четырех с половиной лет.

Кроме того: если принять сообщение в автобиографической заметке 1897 года, что отцу Горького было только двадцать два года, когда он получил назначение в Астрахань, то, исходя из обследованного материала, можно определить год его рождения как 1849-й и сделать вывод, что он был моложе Варвары Васильевны на четыре года, женился восемнадцати лет, а умер — двадцати трех.

Однако следует учитывать, что заметка 1897 года неточна, о чем не раз упоминал и Алексей Максимович.

4. РАЗОРЕНИЕ КАШИРИНЫХ

(К стр. 13)

Найденные мной «Раскладочные Ведомости налога с недвижимых имуществ по Нижнему-Новгороду» дают возможность, помимо интересного выяснения имущественного положения Кашириных, документировать вообще повесть «Детство» со стороны дат и топографии.

«Раскладочные Ведомости» появляются в «Нижегородских Губернских Ведомостях» с 1868 года.

В этом году во 2-й Кремлевской части (в этой части города находилась Ковалихинская улица) по «Ведомостям» значится дом цехового Василья Васильева Каширина, оцененный по городской оценке в 2140 рублей, и дом в совместном владении цеховых Вас. Вас. Каширина и Якова Вас. Каширина в Рождественской части, оцененный в 460 рублей.

1869 год не вносит изменений в это положение, но уже в 1870 году дом во 2-й Кремлевской части (несомненно, что это дом на Ковалихе, во флигеле которого

родился Горький) переходит к надворному советнику Раевскому, — это устанавливается тождеством соседей-домовладельцев.

С этого же года дом в Рождественской части переходит во владение одного Якова Вас. Каширина. Когда впоследствии в «Ведомостях» появляется наименование улиц, то по соседям-домовладельцам устанавливается тождество этого дома с известным по «Детству» домом на Успенском съезде, одноэтажным, «с нахлобученной низкою крышей и выпученными окнами».

В доме на Успенском съезде в год возвращения Пешковых из Астрахани и жили старики Каширины с семьями двух взрослых сыновей, здесь помещалась их общая красильня, здесь в 1872 году поселяется Горький с матерью. Дом этот сохранился до сих пор, и А. М. в мае 1936 года по просьбе местных работников начертил на память план дома и указал назначение комнат.

В 1871 году Вас. Вас. Каширин покупает дом в 1-й Кремлевской части, оцененный, по «Ведомостям», дешево, в 276 рублей. Возможно, что это был упоминаемый в «Детстве» дом на Новой улице, но, по данным «Ведомостей», районирование в этом году неясное. Уже в 1873 году дом этот переходит к унтер-офицеру Васильеву.

Так же как дом на Успенском съезде, хорошо известен читателю по «Детству» и дом на Канатной улице, с тремя окнами на улицу и с чердачным окном наверху.

По «Ведомостям», он оценен в 306 рублей. Вас. Вас. Каширин владел им года полтора, в 1875 и в 1876 годах, вероятно — до осени, как об этом и рассказывается в «Детстве». Еще 15 июля 1876 года «Нижегородский Биржевой Листок» в «Дневнике происшествий» сообщал:

«В ночь на 12 у проживающего на Канатной улице, в своем доме, цехового Василья Каширина, чрез взлом висячего замка у амбара, похищены разные вещи на 14 рублей 10 копеек».

Соседями этого дома, в соответствии с рассказанным в «Детстве», значатся: «дом и флигель цеховых Елизаветы и Варвары Петровых Овсянниковых» (в этом доме жил известный по «Детству» старый полковник)

и «деревянный на каменном полуэтаже дом и деревянный флигель коллежского регистратора Петра Николаевича Бетлинга».

Сюда приезжала мать Горького, здесь, в доме Бетлинга, она познакомилась с Максимовым, своим вторым мужем, и отсюда же уехала с ним в Москву, снова оставив Горького на попечение деда.

В том же 1876 году, когда продан был дом на Канатной, продается и дом Якова Вас. Каширина на Успенском съезде.

С этого времени всякие сведения о владениях семьи Кашириных с таблиц «Ведомостей» исчезают.

В автобиографической заметке 1897 года Горький называет деда владельцем нескольких домов и трех мастерских. Это, очевидно, относится к периоду наибольшего успеха красильного дела Каширина, к тому времени, когда он избирался и переизбирался ремесленным старшиной красильного цеха. В период, освещенный здесь, имеются сведения только еще о мастерской Михаила Васильевича Каширина, находившейся на Большой Покровской улице. Сведения о ней сохранились благодаря известию о краже, обнаруженной в этой мастерской 25 февраля 1870 года.[1]

О том, что Михаил Каширин владел не домом, а только мастерской, можно заключить также из списка участвующих в городских выборах, по которому видно, что Василий и Яков Каширины уплачивают налог с недвижимостей, а Михаил — только с промысла.[2]

5. ШКОЛА

(К стр. 16)

До поступления в Слободско-Кунавинское приходское училище, Горький около месяца, в январе — феврале 1876 года ходил в Ильинское приходское училище — по месту своего жительства и «приходу» на Канатной улице. Заболев оспой, он выбыл из этой школы.

---

[1] «Нижегородские Губернские Ведомости», 1870 г., стр. 104.
[2] «Нижегородские Губернские Ведомости», 1870 г. Приложение к № 43.

Приходские училища (нужно отличать их от церковно-приходских школ, состоявших в ведении синода) содержались городом и «почетными блюстителями» из купцов.

Вот устройство и программа таких школ:

«Особенная цель приходских училищ — безвозмездное распространение первоначальных знаний между людьми всех состояний и обоего пола. В эти училища допускаются дети не моложе 8 лет, а девочки не старее 11. От вступающих не требуется никакой платы и никаких предварительных сведений. В них преподаются следующие предметы: 1) Закон божий по краткому катехизису и священной истории; 2) чтение по книгам церковной и гражданской печати и чтение рукописей; 3) чистописание и 4) четыре первые действия арифметики». [1]

Учительский штат приходской школы состоял обычно из двух лиц: «учителя» и «законоучителя». Фигуры обоих представителей слободско-кунавинской педагогии весьма колоритно изображены Горьким в повести «Детство».

История сохранила их имена.

В «Адрес-календаре Нижегородской губернии на 1873 год», в штате Слободско-Кунавинского училища значатся: законоучитель Александр Виноградов и учитель Иван Молниев. [2] Эти сведения подтверждаются и другими данными. Н. Сигалев, товарищ Горького по кунавинским похождениям, также вспоминает, в письме к нему, учителя Ивана Андреевича Молниева, по прозвищу «бритая губа». Подписи Виноградова и Молниева имеются и на похвальном листе, выданном Горькому Слободско-Кунавинским училищем 18 июня 1878 года.

Об обстоятельствах, при которых получено было Горьким это отличие, он так вспоминает в «Детстве»:

«В школе мне снова стало трудно, ученики высмеивали меня, называя ветошником, нищебродом, а однажды, после ссоры, заявили учителю, что от меня пахнет помойной ямой и нельзя сидеть рядом со мной. Помню, как глубоко я был обижен этой жалобой и как трудно мне было ходить в школу после нее. Жалоба была выдумана со зла: я очень усердно мылся каждое утро и никогда не приходил в школу в той одежде, в которой собирал тряпье.

Но вот, наконец, я сдал экзамен в третий класс, получил в награду Евангелие, Басни Крылова в переплете и еще книжку без переплета, с непонятным титулом — «Фата-Моргана», дали мне также похвальный лист.

Когда я принес эти подарки домой, дед очень обрадовался, растрогался и заявил, что все это нужно беречь и что он запрет книги в укладку себе. Бабушка уже несколько дней лежала больная, у нее не было денег, дед охал и взвизгивал:

— Опиваете вы меня, объедаете до костей, эх, вы-и. . .

Я отнес книги в лавочку, продал их за пятьдесят пять копеек, отдал деньги бабушке, а похвальный лист испортил какими-то надписями и тогда же вручил деду.

Он бережно спрятал бумагу, не развернув ее и не заметив моего озорства». [1]

То обстоятельство, что Горький, проучившись в Кунавинском училище год, сдал экзамен в третий класс, указывает, что он поступил в это училище прямо во второй класс, и, следовательно, краткое хождение в Ильинское училище и начатки домашнего учения заменили ему первый класс.

«Испорченный» надписями похвальный лист сохранился. Вот его текст:

ПОХВАЛЬНЫЙ ЛИСТ

Н. С. Кунавинское начальное училище, одобряя отличные пред прочими успехи в науках и благонравие ученика Алексея Пешкова, наградило его сим похвальным листом, в пример другим.

Июня 18-го дня 1878 года.

---

[1] «Памятная книжка Нижегородской губернии на 1865 год». Часть II. Справочные сведения. Стр. 13.

[2] «Адрес-календарь Нижегородской губернии на 1873 год», стр. 128—129.

[1] Собр. соч., том XVI, стр. 168—169.

Рукою награжденного комически переиначены даты, к фамилии «Пешкова» прибавлено прозвище «Башлыка», к «успехам в науках» прибавлено «и шалостях», а название училища — Нижегородско-Слободское Кунавинское расшифровано так: «Наше свинское Кунавинское».

Прозвище «Башлык» имеет своим источником конечно имя Максима Башлыка, атамана разбойников, о «подвигах» которого рассказывал Горькому дед.

В повести «Детство» школа обрисована еще чудесной сценой приезда епископа Хрисанфа, который защитил Горького от преследовавших его «педагогов» и дал ему возможность окончить класс. [1]

Горький выбыл из Слободско-Кунавинского училища в июне 1878 года, Хрисанф приехал в Нижний для занятия епископской кафедры 6 февраля 1878 года. Встреча их, изображенная в «Детстве», относится, следовательно, к этому промежутку времени.

Посещение епископом начальной школы для городской бедноты было, вероятно, явлением совершенно необычным. Но Хрисанф, поскольку можно судить по документам «Нижегородских Епархиальных Ведомостей» того времени, уделял вообще большое внимание образовательной части.

Заинтересованность его в ученике начальной школы Пешкове не имела других последствий кроме того, что помешала уволить его «за недостойное поведение», — напротив, ему даже был выдан аттестат о «благонравии», оспоренном, впрочем, как мы видели, им самим; все это не имело других последствий, может быть, потому, что Хрисанфа постигла вскоре личная катастрофа: 13 июля того же года его разбил паралич, фактически прекративший всякую его деятельность.

В «сведениях» о Горьком Нижегородского жандармского управления, в графе «место воспитания», значится:

«Обучался в Нижегородском Ремизовском приходском училище, но курса в оном по бедности не окончил, оставил это училище в 1879 году».

[1] Собр. соч., том XVI, стр. 155—157.

«Ремизовским» Слободско-Кунавинское училище называлось, вероятно, в просторечии, — так же как Ильинская школа, в которой Горький учился до того, называлась «Ямской». Но дата неверная, как неверно и наименование училища ремесленным, встречающееся в других материалах.

В Нижнем-Новгороде было одно ремесленное училище — Кулибинское, но типа значительно более высшего, чем училище «приходское». Серьезные заботы о нем нижегородского купечества были связаны с необходимостью иметь кадры пароходных машинистов, ремонтных рабочих и вообще низшего технического персонала.

6. О РОДСТВЕННИКАХ

(К стр. 18)

По художественным образам повестей «Детство» и «В людях» читатель знает не только прямых родственников Горького — отца, мать, бабушку и деда, но и двух старших сыновей Каширина — «дядю Михайлу» и «дядю Якова», а также сыновей их — «Сашу Михайлова» и «Сашу Яковова».

В письмах ко мне Алексей Максимович не раз возвращался к воспоминаниям об этих людях его далекого прошлого, рассказывая о дальнейшей жизни их, за пределом времени, освещенного автобиографическими повестями.

Он всегда тепло вспоминал при этом «Сашу Михайлова».

«Александр Михайлович Каширин, двоюродный брат мой, был действительно, хороший человек, но босяк и потому — пьяница. Не алкоголик, а человек, — очень мягкий, безвольный и пьющий из чувства товарищества, — «за компанию».

Романтик, лирик. Трижды судился за мелкие кражи. Но — воровал опять таки из мотивов товарищества. Устроишь его «на месте», он поживет немного, тихонький, всем покорный, а товарищи «золотая рота» из Миллионной улицы в Нижнем соблазнят его, он и украдет *для них.*

Я вывез его из Нижнего в Крым, пристроил в Семеизе сторожем в имение графа Милютина, на 22 рубля, при хозяйских харчах и квартире, но Саша, прожив месяца три зимних, заявил мне: «Не могу жить без Волги» и — удрал.

...Он был веселый, тихий юморист, не дурно пел, отлично играл на гармонике. Был женат, но с женой, очень милой женщиной, не прожил и года, сбежал в «золотую роту». О нем можно бы написать роман, подобный роману Лоти — «Мой брат Ив». [1]

—

Переписка моя с Алексеем Максимовичем началась в 1925 году, когда я принимал участие в редактировании ленинградских альманахов «Ковш». Алексей Максимович интересовался их составом, сообщал отзывы, прислал для альманахов свой рассказ «О тараканах».

Затем темы переписки нашей расширились рядом других редакционно-издательских дел. Но при каждом почти письме я стремился получить от него ответ на тот или иной вопрос, разрешить который мне необходимо было по моим биографическим работам и ответ на который я мог получить только от него.

[1] В другом письме А. М. еще так писал о «Саше Михайлове»: «Прекрасная, чистейшая душа русского романтика, лирик, музыкант и любитель — страстный — музыки... Он очень любил меня, но читал неохотно и спрашивал с недоумением: «Зачем ты все о страшном пишешь?» Его жизнь бродяги, босяка не казалась ему страшной... Несколько раз я пробовал устроить Сашу, одевал его, находил работу, но он быстро пропивал все и, являясь ко мне полуголый, говорил: «Не могу, Алеша, неловко мне перед товарищами». Товарищи — закоренелые босяки. Устроил я его у графа Милютина в Симеизе очень хорошо... Через пять месяцев он пришел ко мне: «Не могу, — говорит, — жить без Волги». И это у него не слова были, он мог целые дни сидеть на берегу, голодный, глядя, как течет вода. «Люби воду текучую», — заповедала Мамелфа Тимофеевна сыну своему Василию Буслаеву.

Вообще это был замечательный парень, и, на мой взгляд, лишь по какой-то уродливой случайности не стал поэтом, писателем. Босяки очень любили его и, конечно, раздевали догола, когда он являлся к ним прилично одетый и с деньгами. Умер он в больнице от тифа, когда я жил в Италии». («Русский евгенический журнал», 1926 г., том IV, стр. 128).

Алексей Максимович отвечал иногда односложно, не очень охотно. — «Надоело мне вспоминать о прошлом, — писал он, — каждый раз, принимаясь за это, точно узкий сапог надеваешь: сапог-то хотя и совсем изношен, а все ногу жмет». — Но иногда, в счастливые для меня минуты, он присылал целые сцены прошлого, как бы эскизы целых рассказов, отмеченных печатью его изумительного мастерства.

Так случилось, когда я послал ему три старинные фотографические карточки с просьбой указать, кто на них изображен. Алексей Максимович сперва начал писать имена этих людей на обороте карточек, потом это показалось ему почему-то неудобным, и он перенес их на бумагу. А затем уже, «зацепившись» за одно из лиц и увлеченный воспоминаниями, написал такое письмо:

Дорогой Илья Александрович

возвращаю снимки.

1. —

Михаил Васильевич Каширин, мой дядя; тот, который переломил палкой руку бабушке. Его вторая жена, — Надежда, дочь трактирщика Чиркова. Сын их, вероятно — Константин.

2. —

Дети М. Каширина от второй жены: Константин, Николай, третьего не знаю как зовут. Двое были рабочими в Сормове, теперь, кажется — партийцы.

3. —

В середине с вытаращенными глазами — М. Каширин, по бокам — дети его; впереди с левой стороны, бородатенький — племянник, сын Якова Каширина Александр.

Сей последний несмотря на серьезное выражение лица его и фуражку с гербом, — личность «сильно комическая». Его мать умерла, когда ему было пять или шесть лет от рода. Так-же как и первая жена дяди Михаила она взята была из обедневшей дворянской семьи. Александр утверждал, что, умирая, она внушала ему: «Помни, что в тебе течет дворянская кровь!» Поэтому Саша, будучи помощником Кривауса, регента

церковного хора, начал носить дворянскую фуражку, но вскоре это было запрещено ему полицией. Он заменил этот «головной убор» фуражкой инженера путей, однако и это повело к неприятностям, так что ему пришлось носить шляпу, в ленту которой он воткнул серебряную стрелу. Жизнь «В людях» начал мальчиком в магазине обуви Леонтия Порхунова, затем стал приказчиком, а мальчиком — я.

Далее: он был певчим — второй тенор — в знаменитом церковном хоре Сергея Рукавишникова, — отца Ивана, поэта; далее, — как сказано — помощником регента; «сидельцем» в «монополькe», но «просчитался», был судим и понес какое-то наказание, затем, стремясь в урядники, купил очень пёстрого коня и учился ездить верхом, гарцуя в поле, около оврага, куда сваливали городской мусор. Конь сбросил его в овраг, и — бесследно исчез, а Саша вывихнул ногу и сломал два пальца на левой руке.

После этого он стал носить синие очки и пробовал организовать «Бюро похоронных процессий». Так как все его деловые предприятия субсидировались мною, — он предложил мне принять участие и в «Бюро». Это было уже в 1903 г. Хорошо помню мотивы предложения. Он говорил мне: «В городе тобой интересуются, так что если на вывеске будет твое имя вместе с моим, — мы покойников получим». По недостатку времени, а так-же по некоторой антипатии к делам коммерческим, я отказался от организации «Бюро похоронных процессий», но денег ему дал. Он купил николаевскую шинель с воротником шалью, меховую шапку, два кольца, с красным и зеленым камнями, орден Станислава, низшей степени, медаль «За спасение погибавших» или утопавших. Орден я не советовал ему носить, а медаль он все-таки прикрепил на узенькую грудь свою.

Был он высокомерен и труслив, деспотичен и подхалимоват, к людям, не дворянской крови относился пренебрежительно, почти брезгливо. Старался говорить барственно и веско, но говорил тускло и «своим словцом» не обладал. Впрочем, кажется, он слово «хорошо», заменял менее ответственным — «удовлетворительно».

О своих неудачах он рассказывал не жалуясь, тоном охотника, который «своими глазами видел» единоборство лисы с тетеревом и победу тетерева над лисой. Говорил: «Может быть бога-то и нет, а в церковь ходить все-таки следует, приличнее». Приличия он соблюдал строго.

Отлично, как и отец его, дядя Яков, играл на гитаре, вдвоем они, под аккомпанимент гитар, чувствительно распевали старинные романсы: — «Там где море вечно плещет», «Кольцо души-девицы я в море уронил», «Стонет сизый голубочек», «Как — от ветки родной, лист осенней порой, оторвавшись, по ветру летает», «Что ты сунженец не весел, беззаботный сорванец». Я до сего дня помню десятка полтора, два таких романсов. Пели и «Стрелочка» и «Эх, Машуха полорота, ты не шляйся за ворота», но оба предпочитали веселому — «чувствительное».

Дядю Якова, Сашка держал в черном теле, называл по фамилии, помыкал им как лакеем, заставлял чахоточного старика ставить самовар, мыть пол, колоть дрова, топить печь и т. д. Отец-же — любил его, — «души в нем не чаял», — смотрел на человека с дворянской кровью в жилах лирическими глазами, глаза точили мелкую серую слезу; толкал меня дядя Яков локотком и шептал мне:

— «Саша-то, а? Бар-рон. . .»

Барон суховато покашливал, приказывая отцу:

— Каширин, ты что-же, брат, забыл про самовар?»

И снова вспоминал «Сашу Михайлова»:

«У Михаила Каширина был от первой жены сын, тоже Александр, удивительно милый человек, но, по природе своей — лентяй, бродяга, профессиональный босяк. Об этом Александре можно бы написать не хуже, чем Лоти написал книгу «Мой брат Ив».

Понятно было мое восхищение его рассказами по поводу карточек. В следующем письме Алексей Максимович писал:

«Ваше отношение к моим «комментариям» побудило меня дать несколько черточек к характеристике дяди Михаила, думаю, что этого требует справедливость наблюдателя и свидетеля.

Был он, дядя Михаил, человек тощий, сухой плоти и раздраженного разума человек. Странно, — однако мне кажется, что большинство людей, именуемых Михаилами, именно таковы. Весьма возможно, что в характере Михаила Каширина было нечто сродное с Михаилом Ивановичем «Растеряевой улицы». Бабушка называла его: «злоокий». «Эх, ты, змей злоокий! Кикимора злоокая!»

Глаза у него — круглые, птичьи, белки — в красных жилках, зрачки рыжеватые, с искрой. Ходил — быстренько, мелким шагом, раскачиваясь, болтая руками, сутулился, прятал голову в плечи, — так пьяные идут в драку. Работу — не любил и работал всегда в состоянии крайнего раздражения, со злобой. Бегал по двору, засучив рукава, с руками по локти в синей, черной или желтой краске и — матерно ругался.

Работа не удавалась ему, и толстущая его жена зорко следила, чтоб он не испортил материй, которые красил, а он ходил на нее с мешалкой, как со штыком. Был случай, когда она, вырвав мешалку, огрела мужа так, что он завыл:— «Господи! Из-звувечила!»

У него всегда были любимые словечки, но он часто менял их. Помню, любил он говорить: «По-азбучному», наполняя это слово различным содержанием, произнося его то — с иронией, то — пренебрежительно или равнодушно, изредка — одобрительно.

Как-то, при мне, он словесно и очень долго травил сына своего, кротчайшего Сашу, — у Саши был трогательный роман с кухаркой, женщиной старше его лет на двадцать. Сашок долго не поддавался травле, но когда отец пошел на него с кулаками, оттолкнул отца: «Отстань, пьяное чудище!» Дядя покачнулся, упал и, сидя на полу, одобрительно произнес: «По-азбучному!» и горько заплакал, но когда Саша, смущенный его рыданиями, наклонился чтоб поднять его, — отец ловко схватил его за волосы, подмял под себя, сел верхом на

грудь ему и победительно, торжествуя, заорал: «Аг-га, по-азбучному!»

Это словцо заменилось у него другим: «кусательно». «Кусательно» пели певчие обедню, «кусательно» горячи были щи и «кусательно» штрафовала Ремесленная управа. Затем явилось слово — «Рудольф» и также как в два первые, он влагал в него различное содержание. Этим его пристрастием к необыкновенным словам я воспользовался для Сатина в «На дне». [1]

Меня дядя Михаил не терпел, пожалуй, можно сказать, — ненавидел. Дважды выразил искреннее сожаление о том, что не разбил мне голову о печку.

Я не имею возможности хвастаться этим, ибо он, кажется, всех ненавидел. Теперь я думаю, что он, кроме алкоголизма, страдал истерией. А основная причина всех его уродств, конечно, в том, что он, старший сын ремесленного старшины, в юности приученный к сытой жизни и хорошей одеже, затем женатый на дворянке — принужден был жить с толстой, удивительно тупой и грубой бабой, дочерью темного трактирщика, должен был сам работать в крайней бедности, в постоянной войне с братом, отцом, конкурентами по ремеслу. Тяжелая фигура. Но и жизнь была не легка ему».

Что же касается «Саши Михайлова», то сходство его с матросом Ив Кермадек из романа Лоти было действительным сходством характеров. Добряк и мечтатель, душевно чистый человек, Ив гибнет в силу окаянных условий своей жизни и вследствие той непобедимой уже слабости, которою страдал и Александр Каширин.

---

[1] С этим пристрастием Михаила Каширина связано, несомненно, и такое, напр., место в «Жизни Матвея Кожемякина»:

«— Что такое? — удивленно взвыл Тиунов. — Стой, тут надобно коснуться глубины! Просто, по-азбучному...

А Дроздов, обиженно всхлипывая, доказывал Шакиру, который отступал перед ним в угол:

— У меня мать три месяца с графом Рудольфом...» (Собр. соч., т. XI, стр. 344). — *И. Г.*

«— По крайней мере, вы отлично знаете, брат, что я переменился теперь и есть н е ч т о, с чем совершенно покончено; ведь не об этом вы говорите?

А я пожал руку моему брату Иву, стараясь улыбнуться, как человек, вполне доверяющий.

Нужно бы уметь прекращать истории в жизни, так же как мы прерываем истории в книгах...»

7. МОДНЫЙ МАГАЗИН ОБУВИ

(К стр. 20)

В «Нижегородском Биржевом Листке» Порхунов рекламировал свое предприятие как «огромный выбоо всех сортов обуви Венских, С.-Петербургских, Московских и Варшавских фабрик в оптовой и розничной продаже».

Автобиографическая повесть Горького «В людях» начинается со сцен, происходящих в магазине Порхунова. Там же рассказывается и о взаимоотношениях Горького с его двоюродным братом, Александром Кашириным, сыном Якова Вас. Каширина, — «Саша Яковов» в повести «Детство».

Он поступил к Порхунову раньше Горького и имел уже над ним некоторое старшинство. Служба Горького у Порхунова прервалась весной 1879 года, Каширин же еще оставался в магазине некоторое время, что видно из такого происшествия, зарегистрированного «Нижегородским Биржевым Листком» 22 июля 1879 года:

«Дочь диакона Анна Павлова заявила, что она в час дня 19 числа была на Б. Покровке в магазине Порхунова для покупки обуви и там нечаянно обронила кредитный билет в 3 рубля. Подозрение в поднятии денег она заявила на служащего в магазине мальчика 13 лет, сына нижегородского цехового, Александра Каширина, на том основании, что он находился на том месте, где обронены были деньги, и что кроме его тут никого не было. Мальчик Каширин в поднятии денег не сознался, и при нем по осмотре ничего не найдено».

Александр Каширин не долго служил у Порхунова и вскоре вступил певчим в церковный хор Рукавишникова, курьезное, хотя и весьма солидное, барско-купеческое предприятие.[1] Отца его, Якова Вас. Каширина, постигло общее всем линиям семьи Кашириных разорение и, так сказать, «деклассация». Но «Саша Яковов», в отличие от своего двоюродного брата «Саши Михайлова», сошедшего в босяки, старался, как мы видели из письма Алексея Максимовича, занять, хотя и без особого успеха, возможно более, по его представлению, эффектное место в мещанском кругу.

В 80-х годах жизнь Кашириных представляла картину распада мещанской семьи, эпизоды из ее быта и производимый ею шум проникали (через полицейские протоколы) даже в местную печать.

Вот изумительное сообщение «Нижегородского Биржевого Листка» от 13 ноября 1884 года (времени, когда Горький переехал в Казань и территориально уже не соприкасался с Каширинами):

«Проживающий на Готмановской улице, в доме Веселовского, нижегородский мещанин Василий Васильев Каширин 10 ноября, в 12 часов утра, заявил, что 7 ноября он попросил внука своего, нижегородского цехового Александра Яковлева Каширина, находившиеся у него в незапертом сундуке деньги 90 руб. переложить из одного места в другое, а сам в то время выходил на двор; возвратившись со двора, он проверил действительность перекладки денег в сундуке и сундук тот завязал веревкой; 10 же ноября стал осматривать сундук и нашел веревки целыми, а денег в сундуке не оказалось; почему он и подозревает в краже их своего внука Александра Каширина»...

К этому времени старик Каширин видимо был уже на пороге умственного расстройства.

---

[1] «Знатоки спорили, — писал мне С. И. Мицкевич, — какая капелла лучше, Императорская или Рукавишникова. Солисты этого хора, бас Трезвинский и тенор Кошиц, были потом первыми солистами в Большом театре в Москве, его регентом был небезызвестный в свое время композитор и скрипач Иванов».

8. ЕЩЕ О РОДСТВЕННИКАХ

(К стр. 21)

«Кто это «М., дальний родственник» мой? — писал мне Алексей Максимович. — Нужным считаю осведомить Вас, что существуют люди, облыжно и неведомо — зачем? — именующие себя родственниками моими; даже из Канады прислали мне семейную фотографию: изображено на ней человек десять обоего пола и все — неоспоримые евреи. Где-то в Закавказье живет «родной брат» мой, по имени Серафим, а по телеграммам его — сумасшедший.

В 29-м году, в Москве, пришла дама и объявила: «Я — ваша дочь!» Спрашиваю: — Почему? «А, вот,» — говорит — «в 903-ем году вы принимали участие в разводе мамаши моей с ее мужем, так, очевидно, была у вас личная заинтересованность в этом деле...» Совместно и подробно разобрались в событиях и оказалось, что я к «делу» непричастен, да и от места действия далеко был. Доказательства в пользу «алиби» моего удовлетворили даму, посмеялись мы с нею, и она ушла, оставив у меня впечатление, что история выдумана ее желанием познакомиться с писателем.

Вообще — родственников много, но есть и настоящий троюродный брат, даже стихи пишет; недавно прислал целую тетрадь, рекомендуется так:

Я не всамделишный поэт
Какие есть и были встарь
Не член поэтов цеха — нет!
И не писательства кустарь.

Это — тот самый бывший мальчик, который, открыв кран самовара, выпустил из него воду, вследствие чего самовар распаялся, а меня — выдрали. [1]

Прилагаю его письмо, может быть годится Вам, биограф».

[1] Об этом эпизоде рассказывается в повести «В людях», Собр. соч., том XVII, стр. 122. — *И. Г.*

Письмо этого «спутника» отроческих лет Горького действительно не лишено интереса.

Уважаемый Алексей Максимович!

Года три я думал, но все же не решался беспокоить Вас, особенно в Москве.

Дело вот в чем.

Я думаю, что еще и отец мой говорил Вам, что меня считали талантливым и математиком, и художником, и слесарем и пр., но все эти грехи отпали — проще — не пригодились мне в жизни.

Года три-четыре тому назад — совершенно случайно у меня обнаружилась еще одна и уже никак не ожидаемая «способность» — писать рифмой и при настроении без конца.

В первое время меня это интересовало и я записывал всю попадавшуюся под руку бумагу.

Написанного я никому не читал, домашние хотя и знали, что я «пишу», но никогда этим не интересовались, считая это (да и я сам) шуткой и при периодических уборках все написанное сжигали или шло в уборную.

С год назад я решил уцелевшие отрывки занести в тетрадь (посылаю Вам).

На днях после годичного антракта в писании, я случайно проговорился одной даме (при встрече нового года) о своем грехе и по ее просьбе описал эту встречу, а для заполнения тетрадки и еще кое-что (конец посылаемой тетрадки).

Искренно прошу Вас поверить, что я не собираюсь в поэты и мысли не имею об этом, но меня интересует чисто психологически: — в жизни мне менее всего было до стихов, даже в молодости «этого» за мной не водилось, почему же на 50-м году жизни эта «способность» проявилась? ..

Говорят — ничего и похоже на настоящие стихи. Сам я понимать написанного мной не могу; знакомых из лиц «пишущих» не имею абсолютно; обратиться к незнакомым — не остроумно — читать едва ли будут. Решил обратиться к Вам.

Само собою Алексей Максимович я не прошу Вас читать всю посылаемую ерунду, но если будет время просмотрите на выдержку и если найдете нужным ответьте.

Вновь повторяю меня интересует один лишь вопрос — была ли во мне эта «способность», как и многие другие действительно бывшие, свойственна мне или же она появилась под действием внешних факторов уже на конце жизни и действительно писанное есть стихи?»

9. ГРУШНИКИ

(К стр. 31)

Говоря о распространении в 60-х годах лубочной литературы через «офеней», «ходебщиков», «грушников», я сделал в журнале «Звезда», где печаталась моя работа, такое примечание:

«Грушниками» назывались развозчики товара по деревням, имевшие в своей телеге род универмага и занимавшиеся не только продажей, но и меной, сбывая ситец, ленты, платки, книжки, пряники, вареные груши и т. д. и принимая в обмен домотканное полотно, лен, старое железо и пр.

Этим они отличались от «офеней», торговавших преимущественно книгами и картинками, и от «ходебщиков» и «коробейников», тара которых была мало пригодна для широкой мены.

«Грушником» является всем известный «дядюшка Яков» у Некрасова, кричавший:

По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

Прочтя это примечание, Алексей Максимович написал мне:

«Грушниками» назывались уличные продавцы пареной груши. По окраинным улицам верхневолжских городов хаживали грязные, отрепанные мужички, толкая перед собой двухколесную тележку, в тележке — кадка

с мелкой грушей, которая покупалась в Рязани. Ее парили в корчагах, добавляя к ней брюкву и немного сдабривая сии продукты патокой и солодом, — получалась густая каша темно глинистого цвета.

Идет такой человек и поет:

Садовы, сладки
Пареные груши-и!
Тащи, ребята,
Чугун, железо,
Кости, хрусталь, тряпки,
Худые голицы-и!

Напев — такой, что можно думать: именно так выпевали бирючи «государевы указы». Клич этот вызывал на улицу мальчишек, и они «тащили» заране собранные кости, тряпки и все прочее, за что грушник платил своим, очень неприглядным, но вкусным товаром, черпая его из кадки деревянным черпаком, вместимостью в три столовых ложки — самое меньшее.

Но он платил также от копейки до пятака за медь: ручки дверей, скобы шкафов, подсвечники, самоварные канфорки и прочее такое. Он особенно любил медь и поучал ребят где и как взять ее. Любил он пуговицы всех качеств, охотно брал чайные чашки, солонки, перечницы, вообще брал всякую домашнюю мелочь.

Ребятишек за эти меновые операции секли более или менее жестоко, грушника иногда родители останавливали, обыскивали, и, находя у него ценные вещи, били.

«Дядюшка Яков» Некрасова не имеет никакого родства с грушником. Редко бывало, чтоб грушник имел телегу и лошадь, но — бывало.

Умнейшие из родителей, чтоб отвадить детей от краж, внушали: грушники — золотари, т. е. ассенизаторы, иначе — говночисты — и в кадках у них именно — оно самое. Но хотя пареная груша видом своим весьма напоминала его — сластоешки не смущались этим, и поучения родителей успеха не имели».

Это описание явилось случайно, благодаря расхождению в понимании термина «грушник».

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

1. Предки Горького 421
2. Метрическая запись 427
3. Астраханская арка 428
4. Разорение Кашириных 429
5. Школа 431
6. О родственниках 435
7. Модный магазин обуви 442
8. Еще о родственниках 444
9. Грушники 446
10. Горький и Бальзак 448
11. Иконописная мастерская 450
12. «Театральное» 456
13. В Казани 465
14. Погром в Нижнем 467
15. Доримедонт Покровский 475
16. Были и небылицы 477
17. Библиотека Деренкова 483
18. История булочника Семенова 484
19. Спор о казанских делах и людях 487
20. 12 декабря 1887 года 490
21. Стихиры на отлучение 495
22. Пропагандист 496
23. Скитания Ромася 500
24. Неустановленный автор 509
25. Как Горький стал станционным сторожем 510
26. Письмо сослуживца 515
27. Чтения на Добринке 516
28. Люди «Крутой» 517
29. Несостоявшаяся встреча 519
30. В доме Лик 523
31. Соловьева 526
32. На допросе 528
33. Литературные начала 533
34. Гусев 541
35. Скворцов 546
36. Село Кандыбино 548
37. Спутник 553
38. На горе Вэре 556
39. Читадзе 563
40. Поиски человека 567
41. Письмо Гурию Плетневу 567
42. Ростовские воспоминания 570
43. Дело Федора Афанасьева 572
44. «Куриоза ради» 584

Указатель имен и произведений 588

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
98	19 сн.	закрываться	зарываться
188	3 св.	макет	макает
224	7 сн.	привлекла	привлекали
379	20 св.	Новороссийск	Новороссийск
436	1 „	Семеизе	Симеизе
558	12 сн.	желела	жалела
594	10 св.	Миотов	Миртов
596	5 „	Gurio	Gorio
598	20 сн.	Лавроврова-Митрова	Лаврова-Миртова

И. Груздев. „Горький и его время"

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 5

1. «Прощеное воскресенье» 11 февраля 1868 года. — Переезд с Суетинского съезда на Ковалиху. — Рождение Горького. — Максим Савватиевич Пешков. — Триумфальная арка в Астрахани. — Холерная эпидемия 1872 года и смерть М. С. Пешкова. — Домашний красильный промысел и механическая фабрика. — Борьба за промысел в семье Каширина. — Семейный раздел. — Дом на Полевой улице. — Дом на Канатной. — Акулина Ивановна Каширина. — Домашнее обучение Горького у деда и у матери. — Слободско-кунавинское училище. — Разорение Кашириных. — Улица. — Рост босячества в 1870-х годах. — Дети Кунавинской слободы. — На службе у купца Порхунова и в семье подрядчика Сергеева . . 7

2. Нижний Новгород начала 80-х годов. — Купечество. — Мелкое мещанство. — Бездомный люд. — Жизнь Горького у Сергеевых. — Пароход «Добрый». — Чтение на пароходе. — Снова у Сергеевых. — Мировоззрение мещан. — Мещанская литература крепостной эпохи. — Переводная литература и распространение ее в форме периодики. — Издатели и потребители мещанской периодики 1860—1880-х годов 22

3. Социальный смысл переводных романов. — Популярность их у Нижегородского мещанства. — Чтение Горьким Монтепена. — Лубочная литература, переделки исторических романов, иллюстрированные журналы. — Бальзак, Флобер и Стендаль. — Пушкин. — В иконной лавке и в иконописной мастерской. — С артелью плотников. — Среди нижегородских босяков. — Статистом в театре. — Поиски пути 42

4. Л. Н. Толстой и босячество. — Экономический кризис 80-х годов. — Усиление безработицы и

формы эксплоатации рабочих. — Морозовская стачка 1885-го года. — Процесс разложения патриархальной деревни 64

5. Повсеместное распространение босячества. — Борьба царского правительства с безработными. — Репрессии против «непомнящих родства». — Бродячая Русь. — «Общины» босяков. — Босяки в литературе 80-х годов: И. Ясинский и Каронин. — Горький в среде казанских босяков. — Лавочка Деренкова. — Новые люди 76

6. Социальный смысл народнической литературы 70-х годов. — Засодимский. Наумов. Нефедов. Златовратский. Каронин. — Общинные идеалы и «крепость лаптя». — Попытки преодоления противоречий. — Златовратский и Глеб Успенский. — Разрушение утопий. — Роман Златовратского «Устои» и его обратное значение. 90

7. «Власть земли» Глеба Успенского. — «Целительный покров сохи». — Неотвратимость противоречий. — Глеб Успенский в Каховке. — Реформа 1861 года и «освобождение крестьян от земли». — Народники-оптимисты 80-х годов. — Мещанский радикализм. — Революционная сила нищеты. — 80-е годы — «ни день, ни ночь» 106

8. Горький в среде казанских народников. — «Кружки саморазвития» и «нелегальные библиотеки». — Непонимание народниками противоречий русской действительности. — Роль капитала в его прогрессивных формах. — Кабальные отношения в деревне и промыслах. — Булочная и крендельная казанского купца Семенова 119

9. Горький — крендельщик. — «Пропаганда» Горького. — Отстранение народнических иллюзий. — Горький и литература 60-х годов. — Стачка у Семенова. — Булочная Деренкова. — Горький и Н. Е. Федосеев. — Подорванные силы. — 12 декабря 1887 года. — Церковный суд 128

ЧАСТЬ ВТОРАЯ 147

1. Шествие «чумазого». — Беспочвенность разночинной интеллигенции в 80-е годы. — «День итога» Альбова. — Гаршин. — Надсон. — Натиск крепостнической реакции. — Безработица среди интеллигенции. — «Торжествующая свинья». — Свет 60-х годов. — Роман Чернышевского «Что делать?» — Романисты журнала «Дело». — Полемика «Отечественных Записок» и «Дела». — Традиции антикрепостнической борьбы. — Н. К. Михайловский и В. Г. Короленко 149

2. М. А. Ромась. — Типография народников в Казани. — Потопление типографии. — Ромась в Красновидове. — Горький у Ромася. — Политический смысл работы Ромася. — Разгром его предприятий — Горький и М. С. Деренкова 165

3. Горький на каспийских рыболовных промыслах. — Его рассказ «У моря». — Спутник Горького Баринов. — Баландин-Баринов. — Моздокская степь. — Горький в Царицыне. — Сторож станции Добринка . . 188

4. «Корреспонденции» со станции Добринка и перевод Горького в Борисоглебск. — Интеллигенты-адаптировцы. — Писатель-народник Старостин-Маненков. — Служба весовщиком на станции «Крутой». — Кружок Горького. — Воспоминания «начальника станции». — Уход в Москву. — Мечты о земледельческой колонии. — Письмо Л. Н. Толстому 200

5. Земледельческие «толстовские» колонии. — Л. Толстой и «городская цивилизация». — «Сюсляевское миросозерцание». — Каронин и его повесть «Мой мир». — Чем пленила Горького мысль о колонии? — «Песнь старого дуба» 215

6. Неудача Горького в Ясной Поляне и в Хамовниках. — Приход Горького в Нижнем к Каронину. — Работа Каронина над повестью «Борская колония». — Конец мечте о земледельческой колонии. — Горький, С. Г. Сомов и А. В. Чекин. — Во флигеле дома Лик по Жуковской улице. — Сомов. — Подозрения жандармов. — Обыск и арест. — Дело Федосеева в Казани. — «Дело мещанина Пешкова» в Нижнем. — «Секретный надзор». — Встреча с Сабунаевым 231

7. Мечта Горького о «Памирах». — «Пустыня» 80-х годов. — Глеб Успенский и очерки Тимощенкова. — Письмо Горького Глебу Успенскому. — Душевное раздвоение Глеба Успенского и Каронина. — «Цельность» Короленко. — «Песнь старого дуба» на суде у Короленко. — «Всеочищающий огонь» 251

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ 263

1. Двойственные настроения разночинной интеллигенции. — Поэзия усталости и бессилия. — «Новые птицы». — Н. Минский и его статья о Надсоне. — Гаршин и Минский. — Отход от демократических традиций. — «Отзывчивый человечек» Глеба Успенского. — Парад поборников «чистого искусства». — Буржуазная литература 80-х годов. — Вас. Немирович-Данченко. И. Ясинский. П. Д. Боборыкин. — «Процесс внутреннего пищеварения» 265

2. «Сумерки» 80-х годов и «оживление» в конце десятилетия. — Статьи Н. В. Шелгунова. — Новая редакция «Северного Вестника». — А. Л. Волынский. Д. С. Мережковский. Вл. Соловьев. — Пропаганда «Недели» — «Реабилитация действительности» . . . 280

3. «Младшие богатыри» буржуазно-мещанской литературы 80-х годов. — Щеглов. Дедлов-Кигн. Виктор Бибиков. Вл. Тихонов. А. Луговой. П. Гнедич. — Роман А. Лугового «Грани жизни». — И. Потапенко. — Шелгунов о «восьмидесятниках». — Полемика с «Неделей» о «молодой литературе» 293

4. Чехов и полемика конца 80-х годов. — «Скучная история». — Борьба за Чехова Н. К. Михайловского и А. С. Суворина. — «Палата № 6» 306

5. Нижегородские кружки в 1889—1891 гг. — «Народники», «радикалы», «либералы». — Новые умонастроения молодежи «восьмидесятых годов». — «Последние могикане» старого народничества. — Горький в кружках молодежи. — Нижегородские воспоминания. — Горький и Вл. Короленко. — Новые противоречия действительности. — Снова поиски пути. — Уход из Нижнего . 322

6. Путь Горького. — Кружок на станции Филоново. — В Ростове-на-Дону. — Переписка с рабочими. — «Допросы» проповедникам. — У схимника. — Насильственная беседа с Иоанном Кронштадтским 339

7. Путь Горького по Украине. — Село Кандыбино. — Очаков. — Одесса. — Путь на Тифлис. — Майкоп. — Чумный бунт. — Арест Горького. — Приход в Тифлис. — В полицейском участке 354

8. Работа молотобойцем. — Тифлисские друзья. — Комната у Данько. — Хождение по Кавказу. — В Гори. — На Сухумском шоссе. — В Баку. — «Коммуна» по Ново-Арсенальной улице. — «Чтение, споры, раздоры». — Жизнь у А. М. Калюжного. — «Макар Чудра». 371

9. Трагедия Тяпушкина. — Обнищание деревни. — Массовое движение разоренного крестьянства. — Голод 1891 года. — Классовая политика дворянства, купечества и кулачества в голодный год. — «Голод и грабеж, одинаково в ужасных размерах». — Книга Короленко «В голодный год». — «Глухой ропот» и «пламенная ненависть» 390

10. Движение эксплоатируемых масс. — «Сопротивления властям». — «Бунт» на коленях. — «Законного исхода нет». — Движение пролетариата. — Стачки рабочих конца 80-х, начала 90-х годов. — Путь на подъем. — Горький — выразитель восстающих масс. — Литературная работа Горького в Тифлисе и ее фольклорные источники. — «Девушка и Смерть». — Возвращение в Нижний Новгород осенью 1892 года 404

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

1. Предки Горького 421
2. Метрическая запись 427
3. Астраханская арка 428
4. Разорение Каширины х 429
5. Школа 431
6. О родственниках 435
7. Модный магазин обуви 442
8. Еще о родственниках 444
9. Грушники 446
10. Горький и Бальзак 448
11. Иконописная мастерская 450
12. «Театральное» 456
13. В Казани 465
14. Погром в Нижнем 467
15. Доримедонт Покровский 475
16. Были и небылицы 477
17. Библиотека Деренкова 483
18. История булочника Семенова 484
19. Спор о казанских делах и людях 487
20. 12 декабря 1887 года 490
21. Стихиры на отлучение 495
22. Пропагандист 496
23. Скитания Ромася 500
24. Неустановленный автор 509
25. Как Горький стал станционным сторожем 510
26. Письмо сослуживца 515
27. Чтения на Добринке 516
28. Люди «Крутой» 517
29. Несостоявшаяся встреча 519
30. В доме Лик 523
31. Соловьева 526
32. На допросе 528
33. Литературные начала 533
34. Гусев 541
35. Скворцов 546
36. Село Кандыбино 548
37. Спутник 553
38. На горе Вэре 556
39. Читадзе 563
40. Поиски человека 567
41. Письмо Гурию Плетневу 567
42. Ростовские воспоминания 570
43. Дело Федора Афанасьева 572
44. «Куриоза ради» 584

Указатель имен и произведений 588